

О. В. Богданова, С. М. Некрасов*

**ОБРАЗ ПОМЕЩИКА В ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА
«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»
(ТРАДИЦИЯ ИЛИ НОВАТОРСТВО?)****

В статье рассматриваются отдельные главы поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877) и ставится вопрос об аксиологии образа помещика (помещиков), представленных в «народном эпосе» поэта-демократа. В работе на основе сопоставительного анализа образов помещика в главе «Помещик» и «Последыш» (и др.), проведенного в т. ч. в сопоставлении с черновыми набросками поэмы, показано, что Некрасов отходит от традиционного изображения образа и характера помещика, представленного в русской литературе в произведениях А. Пушкина, И. Тургенева, И. Гончарова и др. Некрасов-демократ в значительной мере снижает и оглушает образ дворянина-помещика, намеренно придавая ему сатирико-комические черты в духе М. Салтыкова-Щедрина. Говорить о преемственности поэмы Некрасова применительно к литературе предшественников нельзя.

Ключевые слова: русская литература середины XIX века, Н. А. Некрасов, поэма «Кому на Руси жить хорошо», авторская позиция, тенденциозность, традиция.

*O. V. Bogdanova, S. M. Nekrasov
THE IMAGE OF THE LANDLORD IN THE POEM OF N. NEKRASOV
“TO WHOM IN RUSSIA TO LIVE WELL”
(TRADITION OR INNOVATION?)*

The article examines individual chapters of the poem by N. A. Nekrasov “To whom in Russia to live well” (1863–1877) and raises the question of the axiology of the image of

---

* Богданова Ольга Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; olgabogdanova03@mail.ru

Некрасов Сергей Михайлович, доктор культурологии, профессор, Всероссийский музей А. С. Пушкина (Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова); snekrasoff@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей».

the landowner (landlords), presented in the “folk epic” of the poet-democrat. Based on a comparative analysis of the images of the landowner in the Chapter “Landowner” and “Last-born” (and others), conducted in comparison with the rough drafts of the poem, it is shown that Nekrasov departs from the traditional image and character of the landowner, represented in Russian literature in the works of A. Pushkin, I. Turgenyev, I. Goncharov and others. Nekrasov-democrat significantly reduces and stupefies the image of a nobleman-landowner, deliberately giving it satirical and comic features in the spirit of M. Saltykov-Shchedrin. It is impossible to talk about the continuity of Nekrasov’s poem in relation to the literature of his predecessors.

Keywords: Russian literature of the mid-XIX century, N. Nekrasov, poem “To whom in Russia to live well”, author’s position, tendentiousness, tradition.

Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877) традиционно признается лучшим творением поэта-демократа, «народной поэмой», эпически полно и объективно масштабно отразившей взгляд поэта-революционера на состояние общественной жизни пореформенной России. Кажется, не признать емкости поэтического творения и правдивости воссоздания в нем народной жизни нельзя, не увидеть в поэме проявлений традиции русской классической литературы невозможно. Однако если все же попытаться абстрагироваться от хрестоматийных оценок творчества Некрасова и его роли в общественной жизни России 1860–1870-х гг., то поэма «Кому на Руси...», как и личность самого поэта, предстанут в иных измерениях, с акцентуацией неожиданных проективных ракурсов и актуализацией новой масштабирующей аксиологии. Для репрезентации нового взгляда на поэму Некрасова обратимся к главе «Помещик» (из «Первой части» поэмы) и традиционной для русской классической литературы теме «дворянских гнезд», к образу русского помещика-аристократа, к вопросу взаимоотношений различных социальных слоев, в данном случае «крестьянин ↔ помещик», «раб ↔ господин».

Если в главе «Поп», предшествующей главе «Помещик», встреченный семью крестьянами-странниками герой-поп предстал без имени, то помещику, герою последней главы «Первой части», Некрасов дает имя собственное, причем в традиции народно-поэтического творчества «говорящее». Как показывают текстологические наблюдения, ономастиология образа героя-помещика менялась — от варианта к варианту оценочность все более и более ориентировалась в сторону не объективации, но снижения образа изображаемого персонажа-дворянина. Если первоначально герой-помещик именовался Долгов-Оболдуев [5, с. 254], Брыков-Оболдуев [5, с. 323], то постепенно его имя трансформировалось, отчетливее и звучнее обретая акцент и семантику «оболдуя», т. е. балды, болвана, человека глупого, невежественного, нерадивого (по В. И. Далю), — Оболт-Оболдуев.

Легко заметить, что во всех вариантах фамилии героя-помещика звучит метакорень «оболдуй», но в первом случае он дополняется указанием на долги, видимо, разорившегося помещика (Долгов), во втором появляется более экспрессивно окрашенная сема — Брыков, от «брыкаться», т. е. в данном случае — не соглашаться, противиться (видимо, пореформенной незавидной доле помещика, что позднее будет сатирически и гипертрофированно представлено в главе «Последыш»). Но в окончательном варианте фамилия героя-помещика получает двойной, дублирующий акцент на семантике повторяющегося корня

«оболдуй». С одной стороны, этот прием достаточно примитивно удваивает иронический ракурс «говорящей» фамилии героя, с другой — подчеркивает преэминентность нынешнего оболдуя оболдуям прежним (почти по Н. В. Гоголю и И. А. Гончарову — ср. Акакий Акакиевич или Илья Ильич, *(не)*достойные сыны своих *(не)*достойных родителей).

Характер портретирования героя-помещика также осуществляется поэтом намеренно тенденциозно и последовательно иронизированно. Как показывают текстологические наблюдения, первоначальные важность и степенность характера («Лицо большое, важное» [5, с. 254]), которые наличествовали в портрете героя на раннем этапе, от варианта к варианту уплощались и насыщались сатиризованными чертами-компонентами.

Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
<...>
Помещик был, румяньенький,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет [5, с. 68].

Использование во всем характеристическом ряду портрета героя эпитетов с уменьшительными суффиксами — *кругленький*, *усатенький*, *пузатенький*, *румяньенький* — привносит в характер и личность героя-дворянина некую измельченность, subtilность, *несолидность* и как итог — ироничность.

Более того, и поведение героя изначально сатирически снижено — персонаж-дворянин, в прошлом гордый и смелый рыцарь, (теперь) при виде простых мужиков «перетрусился» [5, с. 69]:

Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенький,
И дуло шестиствольное
На странников навел [5, с. 69].

Примечательно, что иронический аксиологический пафос у Некрасова свободно перемещается с образа господина на ему принадлежащие предметы: у него не пистолет, но пистолетик, как хозяин, «такой же толстенький». Неслучайно, глядя на барина, некрасовские крестьяне «рассмеялись» [5, с. 69]. То есть иронико-сатирическая установка при создании образа-*типа* у Некрасова обнаруживает себя с первых строк главы «Помещик», актуализируя демократически-разночинный ракурс аксиологии дворянского класса, предлагаемого (имплицитного) автором-создателем.

Сюжетно-матричная ситуация выспрашивания-диалога, которая была актуализирована и «испробована» Некрасовым еще в первой главе «Попу», повторяется в «Помещике», и, подобно попу, теперь монологический рассказ-исповедь «счастливца» представляет помещик. Симптоматично, что «честное дворянское слово» [5, с. 69], которое, предваряя свою историю, дает

странникам герой, не удовлетворяет крестьян. Если в предшествующий — дворянский — период развития русской литературы писатели (и герои) высоко ценили данное дворянином слово, слово чести (вспомним «Метель» и «Выстрел» в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина или сцену спора-испытания судьбы Вуличем в «Фаталисте» М. Ю. Лермонтова или целый ряд произведений других авторов, в которых эксплуатируется «дуэльная ситуация»), то на этапе разночинной литературы понятие чести дворянина подорвано, дискредитировано, девальвировано. Непросвещенные крестьяне-вопрошатели не принимают на веру дворянское честное слово, с одной стороны, уже *предтекстово* выдавая собственное — предвзятое — отношение к незнакомому им помещику, с другой — а priori порождая мысль о некомпетентности их оценочности, пробуждая мысль о сомнительности экспертизы простоватых героев-крестьян применительно к бытийному вопросу «Кому живет весело, вольготно на Руси». Как и в главе «Поп», в главе «Помещик» начинают проступать (эксплицироваться) признаки дихотомии, семантических антиномий, «незаметных» на первый взгляд противоречий.

Демотическая составляющая, привносимая в текст Некрасовым, дает о себе знать в тот момент, когда крестьяне оценивают (характеризуют) слово дворянское. Для них оно социально маркировано:

Дворянское <слово> с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам! [5, с. 69]

Общедоступную и устойчивую идеологему «честное дворянское слово» крестьяне не понимают в ее исконной константной сущности. Представить себе, что герои-актанты — в данном случае крестьяне и помещик — смогут понять друг друга, невозможно. Резонно звучит вопрос героя:

Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Как с вами говорить? [5, с. 72]

Аксиологическая некомпетентность семи героев-странников «поддерживается» и тем, как персонажи, возложившие на себя роль судей, понимают концепт «родовое дерево», насколько примитивно воспринимают историю родословной героя-дворянина — буквально (не поли-, но односемантично).

«... Скажите, вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?»
— Леса нам не заказаны —
Видали древо всякое! —
Сказали мужики [5, с. 72].

Постепенно в тексте главы в силу вступает и тенденциозная, узконаправленная воля демократа Некрасова: не герои, но сам автор наделяет персонажа-дворянина далеко не героической семейной историей. Так, по одной

линии «семейного дерева» Оболт-Оболдуев намеренно-сниженно, по воле повествователя, оказывается из «царевых шутов»,

Волками и лисицами
Он тешил государыню,
В день царских именин [5, с. 72],

по другой — из грабителей и разбойников, принимавших участие в поджоге Москвы. Его предок по материнской линии отличился тем, что

Пытал поджечь Москву,
Казну пограбить... [5, с. 73]

Более того, упоминание эпизода о том, как предок Оболта-Оболдуева

Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал... [5, с. 72]

вызывает, с одной стороны, неадекватное, с другой — вновь нескрываяемо заниженное, оценочное и вновь порочащее суждение крестьян-слушателей:

<...> С медведями
Немало их шатается,
Прохвостов, и теперь [5, с. 72] —

резюмируют они.

Оценка Оболту-Оболдуеву, еще только начавшему рассказ (как и его предкам), уже дана, он из *прохвостов*, рассказ о родословной героя воспринят «на крестьянский лад». Вообразить, что в дальнейшем «крестьяне-лапотники» [5, с. 16] сумеют постичь психологическую нюансировку размышлений раскрывающегося перед ними господина, не представляется возможным, а следовательно, эпичность изображения народной жизни тоже ставится под сомнение. Социальная предвзятость неизменно берет у Некрасова верх над объективностью восприятия.

Понятно, что в художественном пространстве поэмы помимо зоны голоса героев-вопрошателей и героев-рассказчиков незримо формируется и зона голоса автора, в рамках которой ироническим флером наделены как крестьяне, так и господа. Как правило, зона голоса автора-повествователя проявляет себя в эпическом тексте нейтрально. Но у Некрасова, как свидетельствует текст, авторский голос в большей своей доле необъективирован, даже необъективен, автор почти не скрывает субъективной демотической приверженности.

Доказательством тому может послужить стилевая правка, которую предпринимал автор в ходе работы над главой «Помещик». Так, например, в окончательном тексте главы раздосадованный непониманием крестьян персонаж-помещик восклицает:

«Вы всё свое, любезные!
Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду...» [5, с. 72]

Между тем в одном из ранних вариантов на месте императивной формы глагола «Молчать!» стояла форма «Молчите лучше! Слушайте!» [5, с. 324], которая больше соответствует спокойной рассказовой интенции героя. Но Некрасов сознательно производит словно бы незаметную подмену, как бы скрытно, исподволь готовя читателя к тому, каким в итоге окажется (должен оказаться) *любой* помещик (как социальный тип).

Исповедь героя-помещика, как и рассказ попа, начинается с воспоминаний о былом, о давно прошедшем.

Так вот, друзья, и жили мы,
Как у Христа за пазухой,
И знали мы почет.
Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствовалась нам [5, с. 73].

Помещик поэтично описывает безграничные угоды помещичьих усадеб, сопровождая великолепные картины природы щедрыми сравнениями и почти сказочными мотивами:

Бывало, ты в округности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,
Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне в ноги валяются,
Пойдешь лесными дачами —
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою —
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
Там рыба в речке плещется:
«Жирей-жирей до времени!»
Там заяц лугом крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Всё веселило барина... [5, с. 74]

Трогательно звучит последняя строка поэтически воссозданной дворянской утопии Аркадии:

Любовно травка каждая
Шептала: «Я твоя!» [5, с. 74]

Описание господской усадьбы Оболта-Оболдуева, с одной стороны, типически-типологично, с другой — во всей полноте и точности воссоздает черты некрасовской (голицынской) Карабихи.

Краса и гордость русская,
Белели церкви Божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,
Гостеприимство русское
И ласку обещал [5, с. 74].

И, как следствие, логика ассоциаций приводит автора-повествователя (и героя-рассказчика) к описанию русской охоты, горячо любимой самим Некрасовым и его персонажем Оболтом-Оболдуевым.

Бывало, в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие
Леса полураздетые
Жить начинали вновь [5, с. 75].

Страсть к охоте и ощущение праздника, который дарят дни псовой охоты, вызывают отклик даже у слушателей-крестьян:

Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовались [5, с. 76],

хотя Некрасов не упускает случай добавить — «Посмеивались в ус...» [5, с. 76], актуализируя лукавство (двойственность) в поведении и мыслях крестьян-героев.

Итак, картина осенней охоты создана поэтически выразительной, но вдруг она алогично и немотивированно перерастает в помещичьи филиппики и вместо аристократа-дворянина на первый план выводится образ самодура-барина, неизвестно откуда явившийся.

Если в начале рассказа герой-помещик представлен Некрасовым как благородный и высокородный аристократ, который и к крестьянам относится с уважением: называет их господами¹, предлагает надеть снятые шапки, присесть рядом с ним [5, с. 71], то неожиданным образом поэтическая картина охоты разрушается и помещик погружается в воспоминания о своем бурном нраве, своеволии и несдержанности.

Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!
Удар искросыпительный,

Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!.. [5, с. 76]

Логика характера персонажа рушится, неким странным способом заставляя рассказ героя резко повернуть от И. Тургенева с его «Записками охотника» к М. Е. Салтыкову-Щедрину или А. Н. Островскому.

По всей вероятности, Некрасов чувствовал, что по мере создания образа помещика он почти (невольнo? или объективно?) впадает в идеализацию дворянской жизни — потому поэту потребовались вкрапления-вставки подобного рода, чуждые и алогичные, которые могли бы (должны были) развенчать формирующийся как идеальный образ аристократа-дворянина, развеять поэзию поместной жизни, невольнo и с любованием пробивающуюся в тексте.

Однако демократическая установка целевой задачи Некрасова, осознанно и рационально поставленная в поэме, требовала корректировки. Психологический дуализм Некрасова давал о себе знать: строки о грубом барстве помещика вскоре снова сменяются рассказом о простоте и спокойствии жизни в усадьбе — в союзе и мире со всеми домочадцами и крестьянами. В намерении объяснить подобные «перевертыши» можно было бы высказать предположение, что (вероятно) в уже готовый и цельный «аркадийный» текст, созданный по вдохновению, Некрасов осознанно и рационально вынужден был вставлять строки-разоблачения, чтобы не выказать себя (и свои аристократические мечтания). (Вспомним, что именно к этому времени Некрасов — владелец бывшего голицынского княжеского поместья, «сам-князь», устроитель невиданных пышных охотничьих забав (см. об этом: [3, с. 68–82]).) В тексте поэмы поэт вынужден перебивать обнаружившее себя идеальное негативным — причем делает это *вдруг*, алогично и немотивированно, почти механистически, почти чужеродно, с явно видимой рационалистичностью.

Подтверждением высказанному предположению о необходимой поэту корректировке текста становится продолжение главы «Помещик», в которой образ барина снова возвращается к первоначальной линии — к изображению дворянина как человека благородного, справедливого, щедрого и милосердного.

Рассказ о светлом Пасхальном Воскресении звучит в поэме во всей полноте любования и идеализации:

Я в воскресенье светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиной стол огромнейший,
На нем и яйца красные,
И пасха, и кулич!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгают, целуются
С последним мужиком.
«Христос воскрес!» — Воистину! —
Крестьяне разговляются,
Пьют брагу и вино... [5, с. 77]

Не менее поэтичен рассказ о «дванадесятих праздниках» и «всенощных», когда в доме помещика проходили церковные службы с присутствием семьи и приглашением дворовых, крестьян, прислуги.

В моих парадных горницах
Поп всенощну служил.
И к той домашней всенощной
Крестьяне допускались,
Молись — хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,
Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы!
Да чистота духовная
Тем самым сберегалась,
Духовное родство! [5, с. 77–78]

Подобные сцены не раз описывались в художественных произведениях, широко присутствуют в мемуарной литературе, знакомы по многочисленным историям дворянских семейств и даже семьи царственной. Примечательно, что (как правило) сама идея духовного родства и «чистоты духовной» в такие моменты столь высока и незыблема для художника или мемуариста, что ни один из них не допускал в изображаемый святой момент вспомнить об «обонянии», о дурном крестьянском запахе, о нечистоте полов. Однако Некрасов создает тенденциозное произведение, потому обойтись без снижения и негативации даже в такой сцене он не может — снять идеализацию дворянского уклада поэту необходимо. При этом под стать некрасовскому помещику оказываются и крестьяне, наверняка не раз оказывавшиеся в подобные моменты в усадьбе барина. Однако герои Некрасова на вопрос помещика о родстве душ в святые церковные праздники «Не так ли, благодетели?» вновь лукавят и вслух отвечают «Так!», но

<...> про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?..» [5, с. 78]

Невозможно представить себе подобное поведение (и даже мысли) героев в повестях Пушкина «Дубровский» или «Барышня-крестьянка».

При этом очевидно, что в российских усадьбах правили не только Дубровские, но и Троекуровы, однако помещик Некрасова, судя по тексту поэмы, не из числа последних. Достаточно вспомнить, что он не держал своих крестьян в «крепи», но, подобно пушкинскому Онегину, «барщину старинную» заменил «подрядом»:

В моей сурминской вотчине
Крестьяне всё подрядчики,
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны... [5, с. 78]

Из текста главы можно понять, что помещик Некрасова — не из жестоких крепостников, достойных сатирического обличения. Еще до отмены крепостного права некрасовский герой дал крестьянам столько воли, сколько допускали его личная власть и дворянское право. По словам помещика, «Любил меня <его> мужик!» [5, с. 78] — хотя некрасовские крестьяне-слушатели вправе не верить герою и (наверняка) именно так (т. е. недоверчиво) и воспринимают слова помещика.

И тогда снова актуализируется вопрос: если герои-крестьяне слушают помещика (прежде попа, в дальнейшем могло быть и царя) и не принимают искренности его признаний, то верно ли было избрать простого мужика в качестве взыскующей инстанции, наделить его властью судии? Очевидно, что таковой выбор был осуществлен Некрасовым исключительно в русле разночинно-демократической тенденции, которой придерживался поэт, а не в попытке решить философский (по своей сути) вопрос, звучащий рефреном в тексте поэмы. Более того, на первый взгляд незаметная, но последовательно выдерживаемая (и даже сознательно инспирируемая) конфронтация социальных слоев провоцируется не только спецификой крестьянского мировосприятия, но и солидарной им в главном позицией автора-повествователя. Эпическая установка поэмы деконструируется необъективностью эксплицируемых автором точек зрения — героев-слушателей, героев-рассказчиков, автора-повествователя.

Между тем словно бы «проговорившийся» о себе-барине, о себе-самодуре некрасовский помещик теперь может (как бы случайно) высказать о народе (о крестьянах) нелицеприятные, обидные суждения. Словно бы увлекшись рассказом и забыв, что перед ним те самые крестьяне, о которых он рассуждает, некрасовский помещик искренне бросает:

<...> Куда
Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
<...> Да иногда пройдет
Команда. Догадаться:
Должно быть, *взбунтовалось*
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь! [5, с. 80]

Помещик горько иронизирует: крестьяне бунтуют «в избытке благодарности» — можно предположить, благодарности за данную им вольность.

Герой наблюдает бессмысленность и жесткость этих бунтов:

Картиной *возмутительной*
Что шаг — ты поражен

<...> Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!

Обширный сад помещичий,
Столетиями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, — *мужик любит*,
Как много вышло дров! [5, с. 80]²

Суждения героя-помещика не беспочвенны. И сам Некрасов, и его современники не раз наблюдали подобные явления в пореформенную пору [6, с. 332–337]. Потому справедлива сентенция героя: «Черства душа крестьянина...» [5, с. 80]. Но еще более грустным и печальным выглядит наблюдение героя-помещика:

Ему <народу> была бы выгода —
Радехонек помещичьи
Усадьбы изводить! [5, с. 81]

Разорение барских усадеб — далеко не всегда результат мстительного чувства крестьян, их жизненных потребностей, скорее — бессмысленная про-
стонародная *радость* и бездумное *любование*.

Законы психоанализа, которым на современном этапе активно занимается отечественное литературоведение (см. работы И. П. Смирнова и др.), позволяют Некрасову собственные (явно непопулярные среди демократов-разночинцев) мысли передоверить «отрицательному» персонажу, тем самым самому избегнув упрёка в приверженности аристократизму.

Картина послереформенной России, которую рисует герой-помещик, катастрофична, почти апокалиптична:

Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поют народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, —
Нужна ему она!³
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«, Навынос и распивочно».
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!.. [5, с. 81–82]

Плач-восклицание героя звучит искренне и горько:

О матушка! о родина!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,

Стоишь с косою распущенной,
С неубранным лицом [5, с. 81],

почти в духе более позднего по времени А. Блока, но тоже свидетеля громадной социальной катастрофы, «беды», как определено чеховским Фирсом.

Между тем финал рассказа-исповеди заслуживающего доверия помещика у Некрасова вновь дается в обостренном и утрированном иронико-сатирическом ключе. Психологически тонкие и точные размышления персонажа *вдруг* превращаются в оглушенные возгласы и самооправдания, наивные и нелепые как по форме, так и по смыслу.

Ох! эти проповедники!
Кричат: «Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! — учись! трудись!..» [5, с. 83]

Подобный призыв в поэме Некрасова явно родственен штольцевскому воззванию, обращенному к «заспанному» гончаровскому Обломову: «Вставай! — учись! трудись!..» Однако если у Гончарова Обломов пытается вдумчиво осмыслить штольцевскую науку, с болью в душе осознать характер *труда*, к которому зывал Андрей⁴, то у Некрасова ответные инвективы персонажа-помещика смехотворны и глуповаты.

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь.
Я не крестьянин-лапотник —
Я божиею милостью
Российский дворянин!
Россия — не *немецина*⁵,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся [5, с. 83].

Последнее утверждение категорически неверно: русский дворянин всегда честью считал *«работать»* — точнее, *служить* на благо отечества, государя и народа. Такая форма высказывания чужда речи российского дворянина, скорее опосредована «крестьянским разумением». Напомним, что «заспанный» Обломов служил — и его уход со службы был не выражением барской спеси или лености, но отражением его глубинной жизненной философии.

Некрасов превращает своего героя в бездельника, дилетанта и шута:

Скажу я вам не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: «Трудись!» [5, с. 83]

Но и эта процитированная реплика вряд ли приложима к русскому дворянству. Из литературных примеров и исторических источников известно, что русские дворяне умело включались в ведение хозяйства (вспомним реформы, проводимые Николаем и Аркадием Кирсановыми в Марьине), специалистам знакомы и сельскохозяйственные опыты Пушкина в поместье Михайловском.

Однако Некрасов (сознательно отвергая традицию русской литературы) карикатурирует образ помещика, сводя его дворянское достоинство к следующему:

<...> наше назначение
<...> в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом [5, с. 82–83].

Едва ли можно себе представить, чтобы кто-то из героев дворянской литературы мог так манифестировать аристократический долг, честь и достоинство. Российское дворянство — более иных, как известно, — весьма щепетильно относилось к званию дворянина, потому в первой трети XIX в. так сильна была дуэльная практика (причем не условная и показная, но глубинная, оттого и дуэль русская была «кровавой»). Не случайно и Пушкин до последних дней своей жизни «гордился славою своих предков» и не мог мириться с уравниванием дворянства родового и служивого, нового и старого, истинного и чиновного (что и получило отражение в романе «Капитанская дочка», 1836, см.: [1]).

Последняя реплика некрасовского помещика в поэме «Кому на Руси жить хорошо» созвучна не традиции Пушкина, о чем принято (безответственно) говорить в отечественном литературоведении, но о приемах письма Д. И. Фонвизина. В финале главы бедный помещик Оболт-Оболдуев — при всех достоинствах его житейских представлений, продемонстрированных им в ходе исповеди — позиционирован Некрасовым как Митрофанушка Простаков, повзрослевший, но не поумневший «недоросль».

<...> Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить... [5, с. 83]

Итак, приведенные выше наблюдения и размышления позволяют заключить, что образ помещика в поэме «Кому на Руси жить хорошо» не сложился у Некрасова как цельный и емкий. Как человек, числивший себя «из дворян» и желавший таковым оставаться, внутренне сочувствуя аристократическим воззрениям героя, на внешнем — народнически-пропагандистском и творчески-поэтическом — уровне Некрасов стремился разоблачить «толстобрюхого» (типологически, не портретно) барина и самодура. Однако избранная им стратегия — совмещения несовместимого — не могла породить успешного

результата. Некрасовский помещик «мечется» между различными образами-типами, в надежде выкристаллизироваться в тип «натуралистический», в духе «натуральной школы» В. Г. Белинского. Однако противоречащие друг другу грани характера, которыми наделяет персонажа Некрасов, не могли быть совмещены в едином образе, выдавая идейные противоречия, которые носил в себе сам писатель и человек Некрасов. Кажущееся успешным намерение совместить «верхи» и «низы» в одном образе порождало характер двусоставный, двухчастный, даже двусмысленный. Некрасов-человек боролся в этом образе с Некрасовым-поэтом, Некрасов — амбициозная личность — с успешным предпринимателем, понимавшим и учитывавшем в своем творчестве интересы и вкусы невзыскательной (судя по его журнальной аудитории) публики. Прав исследователь М. С. Макеев, когда утверждает, что коммерсант побеждал в Некрасове поэта [4] (хотя и звание поэта применительно к Некрасову должно быть переосмыслено — не поэта, но уникального явления в русской литературе — искусного стихотворца, блистательного подражателя и талантливого имитатора⁶).

Предложенный к решению экзистенциальный вопрос и задуманный эпический размах поэмы «Кому на Руси жить хорошо» корректировались (деформировались) *двойственностью позиции* автора, дробя и разрушая как возможный философский ракурс повествования, так и объективность и многогранность масштабного изображения народной жизни.

Из дневника Я. П. Полонского (1881):

Он <Некрасов> был очень умен — очень талантлив — с ним было приятно беседовать, но у этого человека — не было ничего, что хоть сколько-нибудь походило на совесть — на людей он смотрел только с точки зрения своего интереса. <...> *Политических убеждений у него тоже не было — но был сильный демократический инстинкт* — который и послужил ему или его популярности... [7, с. 85] (курсив наш. — О. Б., С. Н.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Правда, по настоянию крестьян — согласно духу времени, — слово господина героя приходится заменить на слово *граждане* [5, с. 71].

2. Легко сопоставить данную картину с разорами в русских дворянских усадьбах после революции 1918 г. (например, вспомним судьбу блоковского Шахматова или даже чеховского Мелихова). В литературной традиции сродни судьба вишневого сада Раневской, знакомые звуки «топора разбойничьего» [5, с. 81]. Ср. «Бирюк» Тургенева.

3. Ср. точку зрения Л. Толстого на Манифест от 19 февраля 1861 г.: «Как вам понравился манифест? Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим» (из письма Л. Толстого А. И. Герцену 14 марта 1861 г., Брюссель [8, с. 560]).

4. «Обломов»: «А наша лучшая молодежь, что она делает? Разве не спит, ходя, разъезжая по Невскому, танцует? Ежедневная пустая перетасовка дней!

А посмотри, с какою гордостью и неведомым достоинством, отталкивающим взглядом смотрят, кто не так одет, как они, не носят их имени и звания. И воображают несчастные, что еще они выше толпы <...> Разве это живые, не спящие люди? <...> Что ж это за жизнь? Я не хочу ее. Чему я там научусь, что извлеку?» [2].

5. Еще одна апелляция к немцу Штольцу.

6. До конца своих дней остававшегося Перепельским. Оттого так мучительны были Некрасову мысли о том, как его будут воспринимать после смерти (мысли, заметные его друзьям и союзникам, так удивлявшие его современников, в т. ч. Салтыкова-Щедрина).

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова О. В. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. — 92 с.
2. Гончаров И. А. Обломов. — URL: ilibrary.ru (дата обращения: 20.01.2020).
3. Кошелев В. А. Некрасов и «джентльменский кодекс» охоты // Карабиха: Историко-литературный сборник. — Вып. 2. — Ярославль, 1993. — С. 68–82.
4. Макеев М. С. Николай Некрасов. — М.: Молодая гвардия, 2017 (Серия «ЖЗЛ»). — 463 с.
5. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / ИРЛИ СССР, Пушкинский Дом. — Л.: Наука ЛО, 1982. — Т. 5: Кому на Руси жить хорошо. — 688 с.
6. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания / вст. ст. К. И. Чуковского, прим. Г. В. Краснова. — М.: Правда, 1986. — 512 с.
7. Спасский дневник Я. П. Полонского. 1881 год (Фрагменты) / публ. и подгот. к печати Е. Н. Левиной // Спасский вестник / ред.-сост. Н. М. Чернов. — Орел, 1995. — Вып. 3. — С. 71–96.
8. Толстой Л. Собр. соч.: в 22 т. / редкол. М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. — М.: Художественная лит-ра, 1984. — Т. 18: Письма. 1842–1881. — 910 с.